

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СЕМНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Тезисы докладов

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

6. В. Вурт. *The Remnant Church*, с. 344.

7. Там же, с. 343.

Е. В. Говор

Дореволюционная печать о русских переселенцах на
Гавайских островах (1909–1910 гг.)

Начало истории русско-гавайских связей относится к 1804 г., когда острова посетила первая русская кругосветная экспедиция под командованием И. Ф. Крузенштерна и Д. Ф. Лисянского. Ее участники оставили ценные описания Гавайских островов. В дальнейшем здесь не раз останавливались русские корабли, а в середине XIX в. в Гонолулу было учреждено представительство Российско-Американской компании.

В 1892 г. с Гавайскими островами связал свою жизнь наш выдающийся соотечественник Н. К. Судзиловский-Руссель — врач, общественный деятель, ученый-энциклопедист. Ему же в 1900 г. суждено было стать президентом сената Гавайской республики. Большое впечатление произвели на Русселя богатая тропическая природа, обилие плодородных земель. Он старался привлечь русских переселенцев, задыхавшихся в царской России под гнетом нищеты и несправедливости. С его помощью в районе Хило на о. Гавайи была создана русская колония из 60 семей. Однако просуществовала она недолго, не сумев приспособиться к незнакомым условиям ведения хозяйства, не выдержав конкурентной борьбы с американскими плантаторами. К началу XX в. на Гавайях осталось всего несколько русских переселенцев¹, вскоре острова покинул и доктор Руссель.

И все же попытки переселения русских на Гавайские острова на этом не прекратились. В 1909–1910 гг. произошло новое массовое переселение, имевшее трагические последствия. На эту тему имеется небольшое сообщение С. А. Уродкова, написанное на основе нескольких архивных документов Комитета по заселению дальнего Востока². Однако ценные материалы, которые удалось нам обнаружить в русской, и прежде всего в дальневосточной дореволюционной

печати, позволяют взглянуть на эту проблему многоаспектно, в контексте всей российской социально-экономической и политической действительности. Эта печать не только представляет точки зрения различных слоев общества, но и позволяет услышать живые голоса свидетелей и участников событий.

В начале XX в. Гавайские острова представляли собой территорию США, основу экономики составляло выращивание сахарного тростника и других тропических культур, с широким привлечением наемных рабочих в основном из стран Азии. В 1909 г. находившийся на Гавайях А.В.Черельструз предложил использовать в качестве сельскохозяйственных рабочих русских переселенцев. Незадолго до этого во Владивостоке была опубликована его брошюра с красноречивым названием: "Гавайские острова. (Ответы на вопросы желающих переселиться на острова)". Уже в сентябре 1909 г. им была набрана и отправлена на Гавайи первая партия русских переселенцев (около 250 человек). В последующие месяцы эмиграция продолжалась, достигнув апогея в начале 1910 г. К середине этого года общее число переселенцев приближалось к 2 тысячам. В состав их входили обнищавшие крестьяне, выехавшие на дальний Восток из центральных губерний России, безработные мастеровые, техники, железнодорожные служащие из района КВЖД, оставшие солдаты.

Уже первые сообщения в русской печати, относящиеся к началу 1910 г., наряду с изложением фактической стороны содержали оценку этого процесса, анализ его социально-экономических причин. Так, статья в "Русских ведомостях", подписанная инициалами И.И. и перепечатанная затем рядом журналов ("Пермская земская неделя", "Хуторянин", "Уральское хозяйство"), была написана в оптимистическом духе; показательно, что автор сумел вообще не коснуться причин массовой эмиграции сибирских и дальневосточных крестьян, бодро сообщая лишь, что это "первые ласточки" и что "теперь на Дальнем Востоке, по-видимому, наступил момент правильного выселения русских на Гавайские острова"³. Однако при перепечатке этой статьи в "Уральском

хозяйстве" автор, скрывшийся за инициалами В.Ю. (возможно Владимир Юнг), изменил оптимистический конец и противопоставил России "свободные Гавайские острова, где никто не будет мешать" крестьянам "устроить свою личную семейную жизнь так, как они хотят; никто не будет вмешиваться в их религиозные убеждения". Автор задавал "тревожный вопрос": "неужели у нас нет земли для пахаря-земледельца и нет людей, которые бы помогли найти трудовое счастье русским крестьянам у себя дома, без переселения на чужбину"⁴.

Более обстоятельный анализ причин эмиграции с дальнего Востока содержался в статье А.Бабецкого "печальное явление"⁵. Он отмечал парадоксальное явление: американцы, чтобы воспрепятствовать въезду китайцев и японцев, предлагают ввезти на Гавайи 50-60 тыс. русских переселенцев. Русское же правительство не стремится удержать свой "наиболее предприимчивый и работоспособный элемент" и вместо этого поощряет въезд китайцев, японцев и корейцев на наши дальневосточные окраины. Истывая вскрыть причины этого процесса, А.Бабецкий в целом лояльно отнесся к переселенческой деятельности русского правительства и весь свой гнев обрушил на "просвещенные капиталистические классы", русских "торгово-промышленников" и предложил систему реформ, которые должны были бы, по его мнению, активизировать экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока по капиталистическому пути.

Однако уже начиная с января 1910 г. в дальневосточных, а затем и в центральных газетах стали появляться письма с Гавайев самих переселенцев, сообщавшие о тяжелом положении, в котором они оказались. В этом отношении показательна статья В.Дарского, появившаяся в харьковской газете "Южный край"⁶. Автор, побывав на дальнем Востоке, выступил с разоблачениями деятельности Харбинского "Восточного эмиграционного бюро" во главе с Перельструзом, занимавшегося вербовкой русских рабочих и крестьян на Гавайи и широко раскинувшего свои сети не только в Манчжурии и на Дальнем Востоке, но и Сибири. Его агенты начали проникать даже во внутренние губернии России.

"Крестьяне, — по выражению В. Дарского, — идут буквально валом"⁷, что и не удивительно: автор рисует трагедию тысяч русских переселенцев, безработных, бродящих по городам дальнего Востока с протянутой рукой.

Предложения агентов эмиграционного бюро были очень заманчивы: переезд за счет американского правительства на Гавайские острова, возможность приобрести землю, зарплата при наемном труде 45 р. в месяц для мужчин и 35 р. для женщин (при сдельной оплате — до 80 р.); переселенцам были обещаны бесплатные дома с отоплением, электрическим освещением, водопроводом, поддесятины огорода, бесплатное обучение английскому языку, школа, медицинское обслуживание, доставка на поездах к месту работы, длина рабочего дня с обедом и завтраком 10 ч., "притом харчи очень дешевы"⁸, и т.д. Действительность же оказалась полной противоположностью посулам агентов. Уже упомянутые письма русских переселенцев, рассказ небольшой группы саратовских крестьян, вырвавшихся с Гавайев, записанный дарским, позднейшие свидетельства дают возможность получить всестороннее представление о жизни на "свободных" Гавайских островах. Как оказалось, агент, получающий оплату за каждую "голову", сопровождает завербованные партии только по железной дороге в вагонах IV класса. На пароходе их "буквально, как баранов, загоняют в трюм"⁹ и в таком положении везут до Гонолулу; "кормят необыкновенно плохо: одним рисом, да сухим хлебом и ни на какие заявления в пути не обращают внимания"¹⁰.

Однако с настоящим рабством, а вернее с подлинным капитализмом, русские переселенцы столкнулись по прибытии на Гавайские острова. Прежде всего выяснилось, что набор осуществлялся не от лица американского правительства, как они предполагали, а от гавайских плантаторов. Партии рабочих разъединяли, "чтобы не было какой-нибудь забастовки", недовольства"¹¹, и расселяли по несколько семей на сахарных и кофейных плантациях, предоставляя в полную власть владельцев и надсмотрщиков. Вместо обещанных благоустроенных домов переселенцев разместили в ста-

рых дырявых палатках и бараках, не защищавших ни от дождей, ни от жары, вскоре начались повальные болезни. На работу каждое утро приходилось ходить пешком за 5-10 верст, за 5-минутное опоздание вычитали 1/4 рабочего дня. Условия труда были крайне тяжелыми: надсмотрщики "требовательны, грубы и нисколько не брезгают прибегать к физической силе"¹². Рабочий день длился дольше обещанного, зарплата же была в 2-3 раза меньше. Переселенцы писали "оно оказывается, что здесь в магазинах в 2 раза дороже и все гниль. Мука, которой кормят лошадей, и она видать очень давняя... с семейством на этом жаловании да так дорого, хоть в трубу полезай"¹³. Зачастую вместо денег рабочие получали билеты, по которым могли брать товар только в лавке плантатора по ценам выше городских¹⁴. "Что хотят, то заставляют работать, что хотят, то берут в магазине", - писали они¹⁵. Бесплатное обучение английскому языку, как и другие обещания, оказались "только языком агентов"¹⁶. Положение осложнялось тем, что эмигранты не заключили никакого контракта с агентами, на Гавайских же островах не было ни русского консула, ни кого-либо представителя, к которому они могли бы обратиться за помощью.

По мере поступления сообщений о трагическом положении русских на Гавайях сибирская и дальневосточная печать начала кампанию, предостерегая новые партии от эмиграции, часто эти публикации сопровождались официальными обращениями местных русских властей и консулов. Выпускались также предостерегающие прокламации. Однако результат всей этой деятельности был прямо противоположный: как известно, в январе-феврале 1910 г. эмиграция на Гавайи особенно увеличилась. Причины этого парадоксального явления носили психологический и экономический характер. "Население отнеслось с большим недоверием и подозрительностью к предостережениям властей", воспринимая их как попытку удержать желающих эмигрировать в Россию "Это нарочно пишут, чтобы мы не ехали", - говорили переселенцы¹⁸. В то же время власти ничего не предпринимали для оказания реальной помощи безработным и обнищавшим

крестьянам и рабочим, а Восточное эмиграционное бюро должно активно действовать; Черельструз опубликовал в харбинских газетах ряд писем русских переселенцев с Гавайев, опровергающих предостережения русских властей и прессы. (Как потом выяснилось, он вскрывал письма переселенцев, которые могли отправлять почту только через него)¹⁹.

Надо сказать, что и после публикации разоблачающих фактов, официальная печать, власти упорно не хотели видеть причин массовой эмиграции, пытаясь свести все лишь к "легкомысленному" стремлению русских переселенцев к "более легкой и прибыльной работе"²⁰ и во всем винили "ловких" агентов-евреев, всячески разжигая антисемитские настроения²¹. Отповедь всем этим выступлениям можно найти на страницах демократической владивостокской газеты "Океанский вестник". Так, В.Северовский в большом очерке "Австралия и Гавайи" прямо говорил: "Черельструз во всей этой драме лишь эпизодическое лицо... Главное - в тех условиях, которые создают Черельструзов". Он смело называл подлинным виновником "Петербург шитых мундиров"²². Об этом же писал учитель Б.Сумбатов: "Главным фактором, сыгравшим в руку Черельструзам и К^о" явилась не личная энергия последних, а единственно тяжелая действительность русской жизни, подкрепленная народной темнотой"²³. "Эмигранты едут искать не счастья, а труда. Бегут от голода!"²⁴ - можно было прочитать на страницах многих прогрессивных газет.

Под воздействием прогрессивной печати русское правительство наконец вынуждено было в марте 1910 г. командировать на Гавайи чиновника Министерства иностранных дел, статского советника Керберга. Результатом его поездки явился поразительный по своему цинизму и лицемерию доклад, основные выводы которого были опубликованы на страницах официоза русского правительства "России"²⁵. Так, с одной стороны, Керберг пытался доказать, что жалобы переселенцев на "чрезмерную трудность работы, жестокое обращение и совершенную недостаточность заработной платы несомненно неосновательны", а на получаемое ими "содержание при готовых даровых жилищах можно существовать безбедно", при этом он приводил в при-

мер несколько тысяч испанских и португальских эмигрантов. С другой стороны, Керберг в обтекаемой форме вынужден был признать, что переселение русских на Гавайи является "нежелательным" прежде всего из-за неподходящего климата, а также "непривычных" условий труда, "низкого уровня заработка" и дороговизны, что не позволяет "большинству переселенцев рассчитывать на сбережения"²⁶. Таким образом он невольно признавал обоснованность жалоб русских иммигрантов, оказавшихся в кабале у гавайских плантаторов.

Но не их нужды заботили Керберга, он спешил донести царскому правительству об организованной борьбе, на которую сумели и в этих условиях подняться русские рабочие и крестьяне, прошедшие школу первой русской революции. Еще в начале 1910 г. в русской печати проскользнули сообщения об основании 28 ноября 1909 г. "Гавайского союза русских рабочих"²⁷. Керберг же сообщал о деятельности профессиональных агитаторов во главе с мастеровым Васильевым, которые, по его выражению, "часть из личных видов, часть стремясь при помощи русских добиться общего повышения зарплаты, побудили большинство наших подданных бросить работу". дальнейшие события в изложении Керберга выглядели так: уговоры местных властей и русского уполномоченного не смогли прекратить забастовку, а так как дальнейшее "упорствование" привело бы "к полному разорению" обманутых агитаторами людей" и к необходимости для местного правительства взять на себя их содержание", то власти, арестовав Васильева и "главнейших подстрекателей", приговорили их к тюремному заключению. "после чего брожение улеглось", - бодро заключал Керберг в своем докладе²⁸.

Цинизм доклада становится очевидным, если обратиться к освещению событий, сделанному участниками забастовки. "двое наших, знающих немного английский язык, собрали нас воедино и предложили бороться против такого обмана и порядка забастовкой", - рассказывал один из них²⁹. Корреспонденция другого участника, вероятно Ивана Корнеева, была напечатана сначала в русской газете, издающейся в Нью-Йорке, а затем, через неделю после публикации доклада Керберга, появилась в России³⁰. В разгар забас-

товки 29 апреля 1910 г. были арестованы выборные Васильев и Белов. Власти в Гонолулу отказались дать какие-либо объяснения мирной демонстрации, в которой приняли участие большинство забастовщиков с семьями. Вместо этого по санкции властей, как сообщал русский корреспондент, "на улицах Гонолулу произошла отвратительная по своей жестокости зверская бойня. Улицы... оросились кровью русских эмигрантов, их жен и детей. На месте остались стоптанные лошадыми и окровавленные дети, которые, для приведения в чувство, обливались водой из насоса... Есть жестоко избитые с пробитыми головами..."³¹ Несколько человек было арестовано. Следующая корреспонденция сообщала, что 2 мая был суд, приговоривший Васильева и Белова к 3-месячному тюремному заключению по обвинению в безработице. "Но ведь мы все русские здесь безработные и обманутые, выброшенные на произвол судьбы", - резонно замечал корреспондент³². Остальным же десяти арестованным, которым инкриминировалось нападение на полицию и руководство бунтом, грозило лишение свободы на 6 месяцев. В той же корреспонденции приводилась статья из газеты "Стар", издающейся в Гонолулу, полная русофобских выпадов и угроз. Вот при таком положении дел покидал Гавайи русский чиновник, уверяя, что "брожение улеглось", а "эмигранты в значительной степени сами виноваты в происшедших недоразумениях"³³.

доклад Керберга нашел достойную оценку в русской прогрессивной печати³⁴. "Был он радушно принят хозяевами, которые расписали ему все в лучшем виде. "Они, говорят, и в России бунтовали, и тут думают". ... С тем и уехал", - рассказывал о Керберге один из участников забастовки³⁵. После его доклада официальная Россия надолго прекратила какие-либо действия для помощи русским переселенцам. Однако выступления в их защиту проводились среди русских эмигрантов в США, русские газеты собирали пожертвования, чтобы помочь соотечественникам вернуться на родину³⁶. Часть из них осталась на Гавайях, часть "зайцами" добиралась до Америки, были попытки переселения в Австралию³⁷. Эмиграционные же агентства на дальнем Восто-

ке продолжали успешно действовать и вербовать новых "белых рабов".

Почти год трагическая история русской колонии на Гавайях, в которой как в фокусе соединились разложение экономики России и алчность, беспринципность американского капитализма, бюрократизм, бездушные царских чиновников и рост политического самосознания рядовых рабочих и крестьян, не сходила со страниц русской прессы. Появились десятки статей и сообщений, в ее обсуждении живое участие приняли издания самых разных политических направлений. Она еще раз со всей очевидностью подтвердила главный вывод, который делала накануне грядущей революции прогрессивная русская печать: чтобы не уходили за океан тысячи честных тружеников, "надо добиваться хорошей жизни на родине"³⁸.

1. Иосько М.И. Николай Судзиловский-Руссель. - Минск, 1976, с.159-160.
2. Уродков С.А. Русские переселенцы на Гавайских островах. - Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы 1969, вып.2, № 8, с.151-154.
3. Русские ведомости, 1910, 2 марта.
4. Под теплое солнце (Русские крестьяне на Гавайских островах). - Уральское хозяйство, 1910, № 4, с.52.
5. Бабецкий А. Печальное явление. - Землеустройство и землепользование, 1910, № 34-35, с.1-2.
6. Дарский В. Эмиграционное крестьянское движение. - Южный край, 1910, 9 мая.
7. Там же.
8. Амурский край, 1910, 12 янв. См. также: Перельструз А.В. Гавайские острова. - Владивосток, б.г.; Попов И.И. Русские на Гавайских островах. - Русские ведомости, 1910, 2 июня.
9. Южный край, 1910, 9 мая.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Амурский край, 1910, 12 янв.
14. Б.И.О. Письма с дороги. - Эхо, 1910, 14 нояб.

15. Амурский край, 1910, 12 янв.
16. Русские рабочие за океаном. - Хлебобоб, 1910, № 24, с.31.
17. Дальний Восток, 1910, 19 фев.
18. Никольск-Уссурийский, 1910, 28 марта.
19. Океанский вестник, 1910, 31 авг.
20. См. напр.: Эмигрантские невзгоды и их причины. - Торгово-промышленная газета, 1910, 3 фев.
21. Русская земля, 1910, 5 фев.; Новое время, 1910, 9 фев.
22. Океанский вестник, 1910, 7 апр.
23. Сумбатов Б. Могут ли перевестись гг.Церельструзы? - Океанский вестник, 1910, 25 июня.
24. Океанский вестник, 1910, 25 фев.
25. Русские переселенцы на Гавайских островах. - Россия, 1910, 20 июня.
26. Там же.
27. См. напр.: Амурский край, 1910, 13 фев.
28. Россия, 1910, 20 июня.
29. Эхо, 1910, 14 нояб.
30. Русские на Гавайских островах. - Амурский лиман, 1910, 27 июня.
31. Там же.
32. Там же.
33. Россия, 1910, 20 июня.
34. См. напр.: Восточное Поморье, 1910, 31 окт.
35. Эхо, 1910, 14 нояб.
36. Русские ведомости, 1910, 2 июня.
37. Океанский вестник, 1910, 31 авг., 4 нояб.; Эхо, 1910, 14 нояб.
38. Хлебобоб, 1910, № 24, с.33.

Е.Емельянова

Подтекст в рассказах Алана Маршалла

В предисловии к сборнику рассказов Алана Маршалла (полное собрание рассказов Алана Маршалла, Мельбурн, 1977) австралийский литературовед Стефен Муррей-Смит за-